По улице шла ведьма. С виду это была обычная женщина, еще совсем молодая, если не смотреть в ее глаза, темные, как сама ночь. Она прятала их под спутанными рыжими волосами, закрывающими лицо, но люди все равно узнавали ее по верной примете: воздух за ее спиной затуманивался, и со стороны казалось, что за незнакомкой тянется след из зловещих тайн. Женщина не спешила, замедляя шаг возле каждого дома и потягивая носом, как голодный зверь в поисках добычи. Видно, выбирала жертву. Улица, по которой она шла, вмиг опустела: люди почуяли ее издали и поспешили укрыться в своих домах, хотя и понимали, что укрытие это ненадежное: если ведьма пожелает войти, ничто ее не остановит. Она и вошла, когда отыскала подходящий дом. Прежде долго стояла у калитки, принюхиваясь и присматриваясь, даже волосы с лица откинула. А потом — люди, подглядывая в окна, видели: калитка сама перед гостьей распахнулась, а после с треском захлопнулась за ее спиной. Вскоре тревожная весть разнеслась по всему селу: ведьма выбрала дом Евдокии Двузубовой, восьмидесятилетней старухи, известной сельской целительницы. Многие к ней за помощью обращались и просили не только здоровье поправить, но и хозяйство поднять, и жизнь личную наладить. Но некоторые Двузубову стороной обходили

и поговаривали, что такой дар от добра не бывает и тем, кто им воспользовался, придется долг отдавать не старухе, а самой нечистой силе. «Потому, дескать, — говорили они, — ведьма ее дом-то и выбрала. Ведьма ведьму всегда учует».

После этого рыжую незнакомку больше никто не видел. Двузубова говорила, что гостья ушла на другой же день поутру — она вроде как из Камышовки в райцентр направлялась, а к ней передохнуть попросилась: ведь дорога дальняя, а по весне никакой транспорт по этой дороге не пройдет, даже пешком опасно — земля зыбкая, болота кругом.

Да только никто в это не поверил. Все знали, что Камышовка опустела давно и последний ее житель, столетний старик, помер еще пять лет назад. Или не помер, а убили: какой-то буйнопомешанный из соседней деревни пришел да и зарубил его топором неизвестно за что. Но, может, это и не правда, а так, слухи…

Только с тех пор стало твориться в селе что-то неладное.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЗВОНАРЬ

Колокольный купол приветливо подмигивал окружающему миру гладким отполированным боком, на котором то и дело сверкали солнечные блики. Солнце — не частый гость в этих суровых северных краях, и потому всегда долгожданный. С октября и до поздней весны неподвижно висит над крышами домов серое рыхлое одеяло, и весь поселок дремлет под ним, как медведь в берлоге — и день, и ночь, до самого мая. Лишь тогда низкие неповоротливые тучи с неохотой расступаются и снисходительно позволяют великому светилу пролить на скудную землю свое благодатное тепло, обогреть задубевшие почки на кустах вербы и дикой смородины, растопить лед в старицах, прикрытых жухлым камышом. Позволяют вдохнуть жизнь в этот сонный край, пусть и ненадолго.

По солнечным бликам на колоколе все и узнают, что тепло уже близко. Звонарь — самый первый: изба его стоит последней на краю села, прямо напротив звонницы. И всегда, как и теперь, он удивляется: отчего это колокол так сверкает? Всю зиму казался черным, будто покрытым копотью от печного дыма, а тут, гляди — вышло солнце, и заблестел, что червонное золото! И снова думает Звонарь: «Неспроста говорят, что этот колокол — дар богов и от всякой нечисти оберегает».

Звонарь верил старым легендам, считая, что дыма без огня не бывает, хотя ни разу за свою долгую жизнь с нечистью не встречался. Потому, видно, и не встречался, что колокол обережный над селом звонит дважды в день: поутру и с вечера, и так испокон веков. Хотя кто знает, какая она с виду, эта нечисть? Может, нормальному человеку ее и вовсе разглядеть нельзя. Болтали-то в селе разное: кому русалка у старицы примерещилась, кого леший в сосновом бору морочил, а кто и черта рогатого из сарая своего лопатой гнал… Но рассказывали это все или пьянчуги беспросветные, или бабки-ворожеи, которые сами нечисть зазывают. А чтоб с кем порядочным такое стряслось, Звонарь и не слыхивал. Правда, иногда думал: может, нечисть его стороной обходит еще и потому, что на нем святости больше, чем на прочих: как-никак к дару богов прикасается. И никого к колоколу не подпускал. Не то чтобы не доверял — нет, не смел наказ бывшего звонаря нарушить: ведь слово дал. Тот звонарь взял его еще мальчонкой босоногим, когда бабка пропала. А отца с матерью еще раньше волки в лесу загрызли, Звонарь их и не помнил. Началась у него новая жизнь, стал он обучаться великому делу — дивные звуки из медной чаши извлекать. Помнится, поначалу-то совсем ничего не выходило, смех один. «Язык» колокольный рук его слабых не слушался, звук получался безобразный, похожий на то, как тазы в бане гремят. До слез было обидно. Но старый звонарь не ругал его, улыбался в бороду, брался за засаленную веревку, обхватывая мозолистой жесткой ладонью его костлявый кулачок, и начиналось чудо: до того сладкие, переливчатые звуки неслись сверху — аж дух захватывало! То был не просто колокольный звон, а малиновый, и тогда он, маленький ученик звонаря, сразу же понял, откуда название: ясно ведь, что слаще малины ничего на белом свете нет.

Звонница стояла на склоне горы, и колокольный звон спускался оттуда подобно водопаду или снежной лавине, врывался в сонный поселок, проникал сквозь подгнившие от вечной сырости бревенчатые стены изб, растекался по узким кривым улочкам и наполнял все пространство мощной живой силой, не оставляя места для хандры и скуки. Люди как один к звоннице лицом оборачивались и даже из домов выскакивали. Кто крестился, кто кланялся, а иные просто благостно улыбались. И все стояли, замерев. Слушали. До тех пор, пока последний отзвук не стихнет. Будто крошки со стола подбирали, голодом наученные.

А голодно жили всегда. Места вокруг были скупые: лишь топи да старицы, оставшиеся от некогда полноводной реки. Ее обмелевшее русло совсем заросло камышом, но старожилы еще помнили, где оно пролегало, и предостерегали односельчан, чтоб держались оттуда подальше, потому как знали, что дно речное было сплошь в глубоких впадинах. Кто провалится — сам не выберется ни за что, сгинет в жидком месиве, и костей не найдут. В былые времена река немало жизней унесла, и даже теперь, совершенно обмелев, не унимается — нет-нет да и заберет кого, засосет в свое жидкое нутро.

Настоящего названия бывшей реки никто не знал, и на нынешних картах его уже не найти. Старики говорили, будто их далекие предки нарекли реку Костяной — якобы слишком уж часто кости разные на берег выносило, а больше всего — человеческие. Особенно по весне, говорят, страшно было. Как отступит вода после половодья, так потом вся земля по обе стороны белым-бела. Будто река людей поедала и костьми их

плевалась. Неизвестно только, как Костяная к жертвам подбиралась: никто на ту реку не ходил, все ее как огня боялись.

Стояла рядом с рекой одна-единственная гора. Торчала над поселком ее макушка треугольная, а вокруг земля была плоская, как блюдце. Вот природа чего вытворила! Откуда же взялась та гора, неизвестно. Все только и спрашивали друг друга: «откуда да откуда», вот и прозвали гору Кудыкиной… На ней хоронили умерших, потому что кладбище по весне паводком размывало. Там же и кости, на берегу найденные, закапывали. Все рос и рос могильный курган, а костей все больше находили. Долго люди жили в страхе и молили богов о спасении, но те их будто не слышали. Однажды придумал кто-то в колокол бить, чтобы достичь божественного слуха. На Кудыкиной горе звонницу построили, где колокол повесили, по древнему обычаю отлитый — в земле, и во славу тех богов нанесли на чашу колокольную священные надписи. А после назначили Звонаря — самого достойного из всех селян.

Зазвучал над селом колокольный звон: раз, другой, третий… И поворотилась река прочь, отступила за гору и покатила свои злые воды в неведомые дали — другое русло себе нашла. Все рады были, когда исчезла река-губительница. Говорят, перед тем как уйти, не хотела река сдаваться, взбунтовалась, разлилась по полям и лесам, урожай сгубила, деревья сгноила. Всю землю навеки испортила. Но люди перестали пропадать. С тех пор в селе верили, что звон колокола богов славит, а те взамен людей от нечисти оберегают. Ведь в Костяной реке-то не иначе нечисть водилась.

Так и пошел род звонарей. От самого первого звонаря и до него, нынешнего, дошло железное правило, которое требовалось всем звонарям неукоснительно

соблюдать: только с добрым сердцем и светлыми мыслями можно было к колоколу прикоснуться. И уж подавно никого посторонних к святыне не подпускать. А не то, говорили, беду накликать можно. Вон, к примеру, соседняя Камышовка опустела совсем, да говорят, не просто опустела, а вымерла — не иначе из-за нечисти. Мужики, которые по осени в те края наведывались, ни одной живой души не встретили: избы нежилые, бесхозные, а вокруг — лес мертвый, ни зверья, ни птиц. «Так что беду немудрено накликать — вот она, рядом совсем. Только колокол и спасает. Пусть трудно, пусть голодно живем, а живем ведь!» — так думал Звонарь в то утро, когда впервые после долгой зимы бока колокольной чаши вновь засверкали на солнце.

Пора было отправляться к звоннице. Вода в ведре на печке за ночь остыла, но все ж была не такая ледяная, как в колодце, — скулы не ломило. Звонарь торопливо умылся, подумал, не подбросить ли пару поленьев в топку, и решил, что и так сойдет. Ведь солнечно сегодня! Вспомнил о том, и на душе потеплело. Весна… Даже скудный завтрак из надоевшей вареной картошки и луковицы не омрачал радости, нарастающей внутри. Скоро, скоро все изменится к лучшему!

Накинув телогрейку и сменив валенки (не очень-то удобная обувь для дома, зато можно сэкономить дрова) на кирзовые сапоги, Звонарь вышел во двор и отпер калитку. Из соседней избы, стоявшей на противоположной стороне улицы, доносились гневная ругань и заливистый детский плач. В мутных окнах дома над поваленным набок забором метались серые силуэты. Вдруг в доме раздался грохот, будто упало что-то тяжелое — по меньшей мере шкаф, — и одно из оконных стекол брызнуло наружу россыпью осколков. Сразу

стало очень тихо, но всего через мгновение брань понеслась из окна пуще прежнего. «Чего это Щукины воюют?» — Звонарь озадаченно поскреб шею и шагнул было по направлению к соседскому дому, но остановился в растерянности. Он не мог позволить себе влезать в чужие раздоры, прежде чем исполнит утренний колокольный звон. «Только со светлыми мыслями», — вспомнился ему наказ покойного наставника. Повернул налево и пошел, спеша уйти подальше, но до его слуха еще долго долетали истеричный женский крик и глухая матерная брань. Удалось даже разобрать одну фразу: «Соображаешь, скотина, чем я теперь детей кормить буду?!»

Досадуя, что мысли о соседях мешают настроиться на нужный лад, Звонарь резко ускорил шаг и с размаху вступил в лужу. Жирные комья грязи взметнулись вверх из-под сапог и осели на брюках и тулупе. Досады еще прибавилось, и он едва сдержался, чтобы черта не помянуть. Только этого не хватало!

Идти до звонницы было не близко. Обычно путь занимал около получаса, если не спешить. А теперь Звонарь почти бежал, даже дыхание сбилось, но чудилось ему, что гора, на которой высилась звонница, пятится, отступая с той же скоростью. «Нехороший знак!» — от этой тревожной мысли в груди неприятно кольнуло. Звонарь остановился, замер, прислушиваясь к ощущениям. В последнее время возраст все чаще напоминал о себе хрустом в суставах, болью в пояснице и ногах, но сердце пока не подводило. «Чего это я разогнался? Поди, не опаздываю!» — мысленно урезонил он себя и пошел уже медленнее, тем более что дом Щукиных остался далеко позади. Да и перед подъемом в гору надо бы выровнять дыхание, а то мало ли что там кольнуло. Ведь ученика у него до сих

пор нет. Некому важное дело передать. Вот помрет Звонарь ненароком, и сгинет поселок Кудыкино как не бывало.

Впереди простирался участок рыхлой бугристой земли, обычно используемый селянами для выращивания картофеля, — небольшой клочок, отвоеванный у болот и тщательно оберегаемый от сырости. Для этого жители прокопали по его периметру узкие, но глубокие — с полтора метра — траншеи, в которых почти все лето стояла вода. Но земля все равно была сырой, даже в засушливый сезон.

Скоро придет время пахать. А сейчас ровные ряды пустых картофельных лунок напоминали ячейку для яиц: кое-где посреди черных, блестящих от влаги впадин еще белел осевший снег. За многие годы Звонарь протоптал широкую тропинку, и оттого издали казалось, что поле туго перетянуто черным жгутом. В тех местах, где снег уже сошел, земля была чернее ночи и выглядела зыбкой. Звонарь шагнул на тропу, чувствуя, как внутри разрастается противный холодок, разносится по телу, достигает кончиков пальцев, вызывая неприятное покалывание. Представилось почему-то, как нога его соскальзывает с тропы, проваливается в картофельную лунку и погружается все глубже, глубже, и вот он теряет равновесие, падает и уходит с головой в землю, так и не нащупав опоры под ногами. А там, в самом-самом низу, — пекло.

Звонарь отогнал дурные мысли и пошел вперед, устремив взгляд на колокол, будто ища защиты у своей святыни. Вскоре страх отступил, и окрепла уверенность в том, что зло, пропитавшее эту землю вместе с водами, оставшимися от поганой реки, не посмеет к нему притронуться. Потому что колокол сверкал, затмевая собой солнце и весь мир.